

Старый господин семьи Цзян был человеком, далёким от мирской суеты, к тому же великим учёным. После слов Чжан Чжюаня деревенские поверили сказанному на 70-80% и уже с подозрением разглядывали Чжоу-далана с головы до ног.

Даже сваха в этот момент умолкла. Раньше она боялась лишь запятнать собственное имя и потому явилась к дому Е Нина поднимать шум. Кроме платы за сватовство она и медяка лишнего от семьи Чжоу не получала, а если дело и впрямь дойдёт до обвинений в торговле свободными людьми, у неё, без всякой поддержки за спиной, не будет ни малейшего шанса это вынести.

Вокруг слышались шепотки, пальцы украдкой указывали то туда, то сюда, ветер общественного мнения резко переменился. Лицо Чжоу-далана горело, глаза бегали, и, осознав, что оправдываться больше нечем, он попросту сорвался: насунился, упёр руки в бока, выпятил пузо, круглое, как бочка, и заорал:

— Чего уставились?! Делать нечего? Всем работать не надо, что ли?!

В Цинтяне самым большим домом была семья Цзян - от северной окраины деревни они занимали чуть ли не половину всего селения. Следом шла семья Чжоу: земли у них было много, и немалая часть крестьян в деревне работала у них арендаторами. По сути, семья Чжоу была их хозяевами, кормила их, была для них небом и землёй, предками и божествами разом, и связываться с ними решался далеко не каждый.

После этого окрика толпа тут же рассеялась, словно испугнутые звери и птицы. Пусть люди теперь и верили ещё сильнее, что Чжоу-далан - подлец, но вслух судачить не осмеливались. Сваха затерялась среди расходящихся людей, не сказав больше ни слова, и тоже поспешно убралась.

Прогнав зевак, Чжоу-далан перестал изображать обиженную невинность, эта жалкая роль ему всё равно не шла. Он высоко задрал все три подбородка, родинка на лице жирно поблёскивала под палящим солнцем, и он с угрозой выплюнул:

— Потасканный гер, чье тело испорчено, и детей родить не можешь! Мы, семья Чжоу, ещё снизошли до тебя - это твоя удача и милость судьбы! А ты, гляди-ка, ещё и нос задираешь передо мной, Чжоу-даланом! Да ты хоть порасспроси - даже в уезде у нашей семьи имя и вес есть! Подожди у меня, я тебе ещё припомню!

Бормоча ругательства, Чжоу-далан развернулся и ушёл.

Мать Е всё это время, дрожа от страха, пряталась в доме. Теперь она, шатаясь выбежала наружу, хлопнула себя по бёдрам и разрыдалась:

— Что же теперь делать-то?! Кто в деревне не знает, что семья Чжоу - наше местное божество, кого угодно можно задеть, только не их! Была радостная помолвка, а обернулась бедой,

настоящей бедой!

Чжан Чжиюань, исполненный праведности, сказал:

— Тётушка, не стоит бояться. Пусть влияние семьи Чжоу в Цинтяне и велико, но неужели в Великой Лянь вовсе нет законов?

Мать Е раздражённо отмахнулась:

— Законы - не законы, мы в этом ничего не понимаем! Мы знаем лишь одно: после такого шума Нин-гер станет «брошенным фуланом», и как ему потом вообще замуж выходить?

Чжан Чжиюань недоумённо переспросил:

— Но Нин-гер ведь ещё не вступал в брак, даже не дал согласия на сватовство и не обменивался брачными клятвами. С чего вдруг он стал брошенным?

— Что ты понимаешь! — отрезала мать Е. — Ты ученый, тебе ли знать? Людская молва страшна. Соседи разве не будут судачить о Нин-гере?

Е Нин спокойно ответил:

— Замышлял торговлю людьми Чжоу-далан, при всех был разоблачён тоже Чжоу-далан, и пальцами сегодня тычут в него же. С какой стати обсуждать меня?

Мать Е холодно усмехнулась:

— Чжоу-далан - мужчина, а ты - гер. Это одно и то же, по-твоему? Может ли быть одинаково?

Её глаза вдруг блеснули:

— А может... Нин-гер, ты сходишь и попросишь Чжоу-далана, чтобы он всё-таки снова тебя взял?

Е Чжу тут же всполошился:

— Нельзя! Ни в коем случае нельзя!

Он говорил это вовсе не из заботы о Е Нине, а потому, что уже прикидывал: раз брак с Чжоу-даланом сорвался, у него самого, возможно, появится шанс.

Чжан Чжиюань, не зная мыслей Е Чжу, тоже покачал головой:

— Тётушка, так поступать нельзя. По одному взгляду видно, что Чжоу-далан - человек с нечистыми помыслами, он вовсе не достойная партия для Нин-гера. Свадьба - дело серьёзное, тут нельзя торопиться, нужно всё обдумать.

Отец Е всё это время молчал. Сегодня Е Нин, публично разоблачив семью Чжоу, действительно помог семье сохранить достоинство, но вместе с тем возникла и другая проблема: достоинство удалось удержать, а вот выгоду упустили. Такой жирный кусок, как семья Чжоу, не попал ему в рот, и сердце у него всё равно ныло.

Наконец он выдал из себя:

— Выйдешь ты в семью Чжоу или нет - это уже твоя судьба, так тебе на роду написано. Я, как отец, своё сделал: пытался подыскать тебе хорошего мужа, перед тобой не в долгу. Смотри, не вздумай потом нас упрекать.

Лицо Е Нина оставалось спокойным и безразличным. Какой ещё «хороший муж»? Какая «судьба»? Какая «предопределённость»? В подобное Е Нин верил меньше всего. Если бы он верил, что всё «так и должно быть», он бы ещё в мире апокалипсиса давно смирился с участью и позволил бы разорвать себя на куски сотни раз.

Отец Е наконец сказал главное:

— Сразу оговорю: та половина му земли, что есть у нашей семьи, в итоге вся достанется твоему третьему брату. Тебе, геру, не полагается ни цуня.

Вот оно что. Е Нин наконец понял - отец боялся, что он станет претендовать на семейную землю. В глазах отца геры, выходя замуж, становятся людьми другого дома, лишь сыновья продолжают род и сохраняют фамилию.

Е Нин и не думал за это цепляться.

— Отец может быть спокоен, — сказал он. — Земля семьи Е мне не нужна. Ни клочка.

Услышав это, отец Е явно с облегчением выдохнул.

Е Чжу стало ещё более не по себе. После той тяжёлой болезни Е Нин словно полностью изменился, будто стал другим человеком. Что-то прикинув в уме, он изобразил понимающую, «заботливую» улыбку, хотя слова его были вовсе не такими уж добрыми.

— Отец, мать, — Е Чжу скользнул косым взглядом по Е Нину. — История с договором продажи

теперь на слуху у всей деревни, пересуды будут идти ещё долго. А Нин-гер всегда был человеком деликатным, да и кожа у него тонкая - такие разговоры он хуже всего переносит... У нас ведь у северного края деревни есть лапшичная, да? Уже сколько времени её толком не держат. Почему бы не отдать её Нин-геру? И за лавкой присмотрит, и от шума подальше будет. Как вы думаете?

В молодости отец Е пас чужой скот, теперь же, на старости лет, обзавёлся половиной му* земли, и вся семья жила за счёт этого участка. Земли было немного, но для Цинтянь она считалась добротной. А вот лапшичная - это была прихоть матери Е: крохотное место с навесом величиной с ладонь.

(ПП: Пол-му - примерно 333 м², действительно очень маленький надел для прокорма семьи)

В Цинтянь большинство семей жили натуральным хозяйством, откуда у людей лишние деньги на лапшу? Большие дома вроде семьи Чжоу и вовсе не смотрели на такую мелочь. Лапшичная проработала всего пару дней и быстро пришла в запустение, за ней давно никто не ухаживал.

Но стоило Е Нину услышать про лапшичную, как в его до того спокойных, словно стоячая вода, глазах мелькнули искорки. Он питал особую любовь к еде. С самого детства ему нравилось возиться с готовкой. В те годы, когда он выживал в мире апокалипсиса, однажды, умирая от голода и теряя сознание, он был спасён половиной чашки простой белой лапши, которую ему протянула добрая старушка - хозяйка маленького лапшичного ларька. Именно благодаря той лапше Е Нин тогда чудом остался жив.

В сознании Е Нина еда была не просто едой, она скорее была свидетельством выживания, верой в самую возможность продолжать жить.

Не дожидаясь, пока отец и мать начнут раздумывать, Е Нин сам первым заговорил:

— В словах Е Чжу есть резон, я и вправду побуду какое-то время при лапшичной.

Е Чжу был ошеломлён так, что глаза у него едва не вылезли из орбит. Он ведь рассчитывал просто отослать Е Нина подальше, убрать его с глаз долой. Какой прок от гера, который ни ношу поднять не может, ни работы тяжёлой сделать, да разве способен он прокормить себя сам? Да это же чистейшей воды шутка!

Отец Е бросил на Е Нина взгляд, приоткрыл было рот, но в конце концов лишь сказал:

— Иди. Заодно и от шума укроешься. Когда лапшичная пойдёт прахом, тогда и поймёшь, каково это быть фуланом, который знает своё место и занимается домом да детьми.

Чжан Чжиюань, будучи родственником по боковой линии, не мог слишком вмешиваться. Главное, тётка с дядей не выдают Е Нина за Чжоу-далана, и на том он вздохнул с облегчением:

— Дядя, тётя, у меня завтра как раз нет дел. Почему бы мне не сходить вместе с Нин-гером на север деревни, посмотреть на эту лапшичную?

С первого взгляда было видно, что Чжан Чжиюань - человек прямой и добросердечный. В его глазах Е Нин был хрупким, нежным гером, как он мог один отправляться так далеко, к северной окраине деревни? Раз уж он свободен, то помочь - святое дело.

Е Нин с готовностью принял предложение заняться лапшичной. На следующее утро он поднялся рано, умылся, и, воспользовавшись тем, что солнце ещё не взошло высоко и жара не накрыла всю Цинтянь, вместе с двоюродным братом Чжан Чжиюанем вышел из дома и направился к лапшичной на северной окраине.

Называть это место лапшичной было, пожалуй, слишком громко - на вид оно больше напоминало заброшенный дом с привидениями. Ни вывески, ни нормального фасада: обветшалый навес был покрыт слоем пыли, под ним стояли два деревянных стола и несколько стульев, причём у одного ножка была сломана, и он криво валялся на земле.

— Кхе... кхе-кхе-кхе... — Чжан Чжиюань беспокоился, что Е Нин хрупок и слаб, но на деле именно он сам оказался тем самым книжником, что и курицы связать не может. Его тут же скрутил пыльный кашель, лицо покраснело, он всё время отмахивался рукавом. — Здесь... здесь же такая грязь, Нин-гер, ты...

Не дав ему договорить, Е Нин спокойно поправил:

— Е Нин. Впредь зови меня просто Е Нин.

От этих «геров» у него уже начинало звенеть в ушах, казалось, ещё немного, и он сам превратится в болтливую сороку.

Чжан Чжиюань на мгновение опешил, но всё же кивнул:

— Хорошо... Е Нин. Эта лапшичная совсем ни на что не годится, всё развалено, в таком виде как её вообще можно открыть? Может, тебе всё-таки лучше вернуться, извиниться перед дядей с тётей? Как бы ни было, вы ведь одна семья, какие между вами могут быть настоящие обиды?

Чжан Чжиюань ехал в столицу сдавать экзамены и получил приют у отца Е, потому испытывал к нему искреннюю благодарность и считал его человеком редкой доброты. Но Е Нин не был так наивен. Отец Е приютил Чжан Чжиюаня вовсе не из милосердия: тот был учёным, человеком с будущим, а в Цинтяне грамотных по пальцам пересчитать. Если Чжан Чжиюань когда-нибудь добьётся успеха, семья Е сможет потребовать ответной выгоды.

А что же сам Е Нин? По сути, в их глазах он был всего лишь «второсортным брошенным фуланом», обузой. Вернись он сейчас, понурый и в пыли, ему пришлось бы ещё и терпеть их

подозрения, не зарится ли он на ту самую половину му земли.

Е Нин окинул взглядом всё вокруг: паутина по углам, слой пыли, будто занёсший всё живое, но он не чувствовал отвращения. В груди разлилось тёплое, щекочущее чувство - отсюда начиналась его собственная лапшичная.

Он тихо сказал:

— Здесь хорошо.

Чжан Чжиюань даже растерялся от этих слов, но когда Е Нин улыбнулся, он вдруг понял, что имели в виду книги, говоря о «улыбке через плечо»* - в тот миг будто померкли и небо, и земля. Эта улыбка была не просто красивой, она без всякой причины вселяла спокойствие.

(ПП: Классическая поэтическая формула, описывающая мгновенную, очаровывающую улыбку (часто женщины), которая меняет восприятие мира.)

Чжан Чжиюань решительно сказал:

— Тогда давай так. Я помогу всё тут прибрать. А ты, Е Нин, стой вон там, не испачкай одежду.

— А где вообще находится лапшичная семьи Е?

— Где-то тут поблизости... должна быть где-то здесь.

Они вдвоем ещё не успели привести лапшичную в порядок, как снаружи донеслось несколько громких, грубых голосов. Северная часть деревни была глухим местом: большая часть земель здесь принадлежала семье Цзян, и если не нужно было выходить из деревни по делам, крестьяне сюда почти не заходили, тем более никто не приходил сюда поесть.

Лапшичная ещё даже не открылась, а кто-то уже явился, и по голосам было ясно - это не добрые гости. Е Нин выглянул наружу сквозь перекошенное оконце. Снаружи стояли несколько рослых, крепко сбитых мужчин с бугристыми от мышц руками; в руках у них были дубинки. Это явно были не обычные деревенские работяги - одеты они были одинаково и опрятно, больше напоминая наёмных головорезов.

Чжан Чжиюань понизил голос:

— Это охрана семьи Чжоу.

— Где тот гер, что не дал нашему хозяину сохранить достоинство?

— Сегодня он за это ответит!

— Хм, от уважительного тоста отказывается - пусть отведаёт наказания*. Думает, семья Чжоу - простаки?

(ПП: идиома, означающая: «отказаться от вежливого предложения и получить принуждение/наказание». Часто употребляется в контексте угроз: «мы пытались по-хорошему, теперь будет по-плохому»)

Е Нин прищурился и тихо сказал Чжан Чжиюаню:

— Двоюродный брат, уходи через задний выход.

— Нельзя! — твёрдо возразил Чжан Чжиюань. — Они пришли с дурными намерениями, как я могу оставить тебя одного?

Е Нин, будто между делом, спросил:

— Двоюродный брат, ты владеешь боевыми искусствами?

Ещё мгновение назад взгляд Чжан Чжиюаня был решительным, а в следующий миг он сник и замялся:

— Н... нет, не владею.

Е Нин оставался предельно хладнокровным:

— Раз ты не умеешь драться, то, оставшись здесь, всё равно ничем не сможешь помочь. Они пришли за мной. Ты быстро уходи через задний выход и беги зови людей.

Чжан Чжиюань был крайне обеспокоен, но понимал, что ситуация срочная и медлить нельзя. Он тут же кивнул и сорвался с места. Будучи ученым, он никогда в жизни так не бегал - ноги будто не принадлежали ему самому, мчались каждая сама по себе, совершенно не слушаясь головы.

— Пф... — в такой напряжённый момент Е Нин всё-таки не сдержался и тихо рассмеялся: уж больно комично выглядело бегство двоюродного брата.

Чжан Чжиюань выскочил за лапшичную и понёсся во весь опор. Сколько раз он спотыкался о неровную земляную дорогу, он и сам не знал; поднимаясь, весь в пыли и с растрёпанной одеждой, он тут же снова бросался бежать.

Бум - бух!

Он во что-то врезался и тяжело рухнул на землю, со всего маху плюхнувшись на зад.

— Да это же Чжан-саньлан?

Паланкин остановился и плавно опустился на землю. Следом за ним шли нарядно одетые слуги в сопровождении, которые, очевидно, знали Чжан Чжиюаня. Они поспешно помогли ему подняться:

— Чжан-саньлан, вы в порядке? Не ушиблись? С чего такая спешка - прямо в паланкин нашего молодого господина врезались!

Чжан Чжиюань, оглушённый и дезориентированный, хотел было схватиться за ноющий зад, но, вспомнив о приличиях, силой удержал себя. Увидев носилки, он резко распахнул глаза:

— В носилках... неужто господин Цзян?

— Разумеется, наш молодой господин.

В носилках сидел единственный внук старого господина семьи Цзян - глупый молодой хозяин семьи Цзян, Цзян Чансинь.

Чжан Чжиюань уже не заботился ни о правилах, ни о вежливых оборотах. Он оттолкнул слуг, подбежал и вцепился в оконную раму носилок, громко выкрикнув:

— Молодой господин Цзян, скорее, спасите Е Нина!

<http://bllate.org/book/15118/1342915>